

ГЛАВА 1

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕФЛЕКСИИ

В поисках себя

Церковь всегда пребывает в поиске. Она уверена в истинах своего вероучения, помнит о своем призвании, но всегда ищет актуальные пути присутствия в мире и влияния на него. Так что при всей внутренней, догматической убежденности поиск социально-богословский не прекращается, поскольку обращен вовне, предопределен открытостью церкви миру, извечной сложностью их отношений.

Лишь в поиске и вопрошании возможно обновление церкви, ее освобождение от привычных образов жизни и служения. После двадцати лет миссионерской деятельности евангельские, в том числе и баптистские, церкви осторожно начинают задавать вслух сложные вопросы о своей социальной позиции, об уместности в культурном контексте, своей роли в общехристианской истории, соотношении с большими традициями. Все это – части одного вопроса о самоопределении церкви перед лицом «большого» мира, о ее готовности принять его вызов.

Ответить на этот вопрос можно, лишь убирая кавычки из названия собственной традиции. Традиции, надо признать, относительно малой. Открываясь для других традиций,

постсоветский баптизм сможет ясно понимать свою специфичность. Открываясь для «большой», общехристианской традиции, традиция ЕХБ сможет стать частью целого, почувствовать общность, единство истории.

Для молодых церквей память и традиция оказываются крайне важными, так как через них молодая ветвь связывается с древним общехристианским древом. Забвение общей истории не менее опасно, чем ее (истории) идолизация. Припоминание, восхождение к истокам не означает принятие *всего* исторического опыта *всех* конфессий. Здесь предстоит более сложная и творческая работа – поиск собственного лица, собранного из фрагментов истории; восстановление собственной линии, ее путь через историю. Движение евангельских христиан-баптистов не возникло внезапно, ему предшествовала непрерывная евангельская линия внутри малых и больших традиций. Это тема отдельного и масштабного исследования: кого в истории постсоветские баптисты могут считать своими предшественниками. Мы ограничимся лишь тем, что признаем традицию ЕХБ «малой» традицией и составной частью традиции «большой».

Очевидно, что верующие церквей ЕХБ смогли создать свою малую традицию, которая доказала свою жизнеспособность в экстремальных условиях и которой можно гордиться. Но это лишь часть исторической правды. Другие важные истины ставят вопрос об «историческом долге» перед предшественниками и потомками, т. е. связывают привычный и ограниченный мир малой традиции с неоднозначной историей, а также с рискованным будущим.

Евангельские христиане-баптисты – особая часть большой традиции. Даже в свете Реформации это обособление подтверждается. Церкви ЕХБ – наследники Реформации, но также создатели своей малой традиции. Самобытность состоит в сочетании евангельской ортодоксии и верности Никео-Цареградскому символу веры с народным характером церковности. В истории евангельская церковь ближе всего идеалам Реформации, но ее следы и влияние заметны также в истории католической и православной церквей. В этом и состоит специфичность ЕХБ – ее собирательный характер, при котором она нигде не выступает в чистой конфессиональной форме, а потому и протестантские, и исторические церкви являются предысторией, историко-идейной основой для начинающегося, еще только возникающего евангельского движения.

С уважением относясь к истории церкви, все же хочется повторить вслед за отцом А. Менем, что христианство только начинается. Причем, по моим убеждениям, это христианство будет скорее евангельским, чем историческим. И если евангельским христианам-баптистам надлежит донести простое и живое евангелие до нехристиан и постхристиан, это можно считать особенной миссией, оправдывающей существование этой отдельной конфессии. Беда в том, что малая традиция ЕХБ стала закрытой и для внешнего мира в его сложности, и для евангелия в его радикальности. Именно поэтому мы решаемся говорить критично, говорить о нетождественности евангелия и «евангельской» церкви, о роковом рассогласовании открытости евангелия и закрытости его хранителей в традиции ЕХБ.

Почему о баптизме стоит писать критично? Это может оттолкнуть читателей из внутриконфессиональной среды, но вряд ли привлечет внимание посторонних наблюдателей из других конфессий или нерелигиозных кругов. И все же такой риск оправдан, так как вера, которая может отнестись к себе критически, церковь, не боящаяся правды и ее требований, заслуживают уважения и признания.

Основным достижением последних лет стала разгорающаяся дискуссия о социальной и богословской позиции евангельских церквей, в которой критику научились принимать, а разнице взглядов внутри одной церкви – радоваться.

Моя критика не является критикой со стороны; это мнение критика, но баптиста, или баптиста, но критика, т. е. критика-баптиста. Разговор в режиме откровенной самокритики дает шанс на обновление. В таком режиме открытости вырисовывается основная проблема постсоветского баптизма – боязнь преобразующей критики, уход от нее в глубины истории, в тень традиции. Застревание в истории, в неопределенности мешает найти в свете сегодняшнего дня свое место, свое лицо, свое призвание.

Постсоветский баптизм должен видеть себя частью большой христианской истории и живым участником начинающегося евангельского движения. Только на этом пути открытости к прошлому и будущему, к большим и малым христианским традициям, к постатеистическому обществу и постхристианской культуре возможно обретение себя, понимание своей самобытности, выполнение своей миссии в истории.

История длится

Постсоветский период в истории протестантизма охотно обсуждают журналисты и политологи, но историки церкви и теологи до сих пор обходят его стороной. Названный период богат событиями и сложен для анализа.

Период сложный потому, что эта история еще живая, актуальная, свежая, дрящущаяся, незаконченная, «якобы» история, почти настоящее. Период богатый, потому что в нем проявились почти все возможности протестантизма и его способности и неспособности к адаптации в новых условиях свободы.

На смену героическому эпосу прежних времен пришел жанр социальных экспериментов, стратегических инициатив, разного рода контекстуализаций. Исследователь-специалист найдет здесь обилие материала в чистом виде, без мифологизации и без исторических спекуляций.

Именно эта чистота и обнаженность пугает профессиональных исследователей, часто строящих свои концепции на исторических туманностях, которые трудно проверить. Можно сколько угодно говорить о простоте, бедности, народности, аполитичности протестантизма, но в истории ближайшей, видимой, эти идеальные образы опровергаются реальностью. В каком смысле они опровергаются, каково их настоящее содержание – вопрос более тонкий.

В области исторической видимости идеализированные объекты приближаются к реальности, соотносятся с ней, проверяются, уточняются. Напротив, чем больше историческая дистанция, тем крупнее фигуры, грубее линии, схематичнее пояснения. В этом смысле история постсоветского протестантизма является не только частью истории, но и ее критикой. Здесь все виднее, яснее, правдоподобнее, хотя при этом прозаичнее. Здесь мало мистики и много социологии. Здесь малозначимы ссылки на провидение и заметнее человеческие факторы. Тайны истории никуда не исчезают, но все больше требуются социальные, культурные, политические объяснения, чтобы прояснить меру человеческой ответственности.

Любая новейшая история, в том числе и церковная, легко подтверждает связь с политикой, сферой межчеловеческих отношений. Историк-марксист М. Покровский определял историю как политику, опрокинутую в прошлое. И если это прошлое недавнее,

то политические связи легче проследить и понять. Так история втягивается в настоящее, связывается с ним, расспрашивается им.

Настоящее – это и часть истории, которая длится, и точка опоры, из которой мир прошлого познается. Критика истории предполагает некую отстраненность исследователя, и это довольно естественно. Находясь в настоящем, историк отделяет себя от истории, возвышается над ней, относится к ней как к объекту изучения.

Историки любят рассуждать о сопричастности объекту изучения, о том, как важно быть частью истории, внутри нее. Все это так, «включенное» наблюдение – уникальный метод, доступный лишь верующим историкам, которые пишут о себе же. Но при всем этом сближение с историей часто губит самого историка, он становится неразличимым как субъект, отождествляется с объектом, растворяется в нем, превращается в элемент повествования.

Историки всегда пишут о себе – т. е. о людях, живущих в том отрезке истории, о котором они повествуют. Однако в таком описании истории почти отсутствует момент рефлексии – дистанции по отношению к себе же, живущему в истории.

Опасность слияния с историей может угрожать историку, наученному специальным техникам работы с историей, а на уровне обыденного сознания люди даже не воспринимают это как опасность, не распознают как проблему, и не только как проблему, но и вообще как особое, различимое, специфичное состояние.

Историческое дистанцирование невозможно там, где себя не отличают от истории. Приверженцы традиции не утруждают себя ее познанием, так как считают, что их образ жизни совпадает с традицией. Христиане данной конфессии не понимают других церквей и традиций, так как они сами и есть церковь и традиция, а вне – секты и ереси. Авторское или традиционное толкование Библии не отличается от самой Библии, Христос исторической церкви – от Христа Евангелий. Все это порождает вначале наивный фундаментализм, а затем крайнюю нетерпимость в попытках отстоять правильную, «свою историю».

Думаю, важно понимать историю не только как историю деяний Бога, но и как историю человеческих заблуждений. Может быть, именно в последнем случае будет легче отстраниться и удержаться от повторения, следования в общем русле.

Изучать свежую, новейшую историю – значит критиковать ее; и тем больше критиковать, чем

сильнее связь с настоящим и очевиднее прямые исторические последствия для настоящего. Если историю церкви пишет прихожанин церкви, он должен критиковать себя и верно понимать современную социальную и церковную позицию, исходя из того, к чему обязывает его знание истории.

Находясь в зоне истории, пограничной с настоящим, в конце истории или после ее конца, исследователь может читать прошлое недоступным ранее способом – как историю настоящего. Интересовать будут не столько события, не столько их последовательность (здесь интерес был бы сугубо историческим – реконструировать мир, которого уже нет), сколько логика развития, закономерность перемен, история смыслов, значимых для продолжения истории.

Для историков церкви остается благодарная и вполне посильная задача – описать постсоветский баптизм с максимальной детализацией, чтобы в описанных фактах обнаружить повторы, последовательности, тенденции. В то же время очевидно, что полное описание займет слишком много времени, а в полученном массиве информации разобраться будет не так просто.

Оставляя эту работу историкам-специалистам, стоит взяться за другое, более важное начинание – выбрать актуальный метод отношения к новейшей, продолжающейся сегодня истории. Актуальный взгляд на историю постсоветского баптизма должен включать философско-исторические и методологические основания, постановку наиболее значимых вопросов, смысловую структуру, на которые затем могут накладываться факты, собирающиеся затем в целостную картину.

История длится – это может стать открытием для многих христиан, собравшихся писать мемуары о временах перестройки и последовавшего духовного пробуждения. Плавность течения времени делает почти неразличимыми переходы прошлого-настоящего-будущего истории, и тем более видна наша роль участников этих переходов.

Эпохи не заканчиваются, они имеют продолжение одна в другой, и от нашего отношения к недавнему прошлому зависит образ будущего. Некоторые линии мы обрываем, и они становятся мертвой, прерванной историей, а другие заботливо поддерживаем, развиваем, и эта история длится. Именно последнее наиболее актуально – наметить и осмыслить некоторые важные линии развития, хорошо заметные в недавнем прошлом баптистской

церкви, чтобы связать их с более ранней, большой традицией, а также продлить их в будущее, сделать перспективными.

Время анализа

За последние двадцать лет религиозной свободы и активно-го развития церквей ЕХБ появилось немало интересных публикаций, посвященных тем или иным аспектам самоопределения. Если в первое десятилетие идеи и тексты воспринимались как нечто слишком сложное и не очень нужное, то к двухтысячному году накопилась критическая масса публикаций, которая качественно изменила формат и направление дискуссий. Говорить стали системно, критично, предметно – уже не об актуальности темы, а о самой ее сути.

Серьезный разговор об историческом своеобразии ЕХБ стал возможным на основании трудоемких исторических исследований С. Савинского,¹ Ю. Решетникова,² С. Санникова,³ А. Синичкина,⁴ Т. Никольской⁵ и др. Кроме них активно работали также светские историки и религиоведы, предоставившие для анализа необходимый фактический материал (наиболее продуктивно работали ученые-религиоведы из РАГС, РГГУ, Института Европы РАН, Отделения религиоведения Института философии имени Г. Сковороды НАН Украины).

Значительным событием стало появление трех «Альманахов по истории русского баптизма», подготовленных М. Каретниковой⁶ и собравших богатый материал о национальных корнях евангельского движения, историях отдельных церквей и служителей, трагических разделениях внутри ЕХБ.

¹ С. Савинский. *История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии* (1867–1917). – СПб.: Библия для всех, 1999.

² Богатый документальный материал собран в сборнике «*История евангельско-баптистского движения в Украине*» (Одесса: Богомыслие, 1998), подготовленном Ю. Решетниковым, С. Санниковым и С. Головащенко

³ Особую ценность составляют материалы, собранные в рамках проекта «История евангельского движения в Евразии».

⁴ А. Синичкин. *Все ради миссии*. – Ирпень, 2011.

⁵ Т. Никольская. *Русский протестантизм и государственная власть в 1905 – 1911 годах*. – СПб., 2009.

⁶ *Альманах по истории русского баптизма*. – СПб.: Библия для всех, 1999, 2001, 2004 гг.

Сохраняют свое значение и потому переиздаются тексты баптиста В. Павлова¹ и лидера евангельских христиан И. Проханова,² богословские статьи И. Каргеля и эссе В. Марцинковского, тексты служителей советского времени (А. Мицкевича, А. Карева). Вместе с тем образы «советского баптизма» критично переосмысливаются. Так, к 130-летию движения ЕХБ в России и 850-летию Москвы была издана брошюра «Евангельские христиане-баптисты»,³ где помимо исторического экскурса в трудные времена явно приветствуется демократизация и свобода социального самовыражения верующих протестантской ориентации, а также пересматривается модель церкви, подверстанной к социалистическому обществу рабочих и крестьян.

Теоретическое омысление баптизма как социального и религиозного феномена дано в работах И. В. Подберезского.⁴ Новые концептуальные подходы для понимания места и роли баптизма в истории предложены В. Бачининым.⁵ Здесь баптизм отвечает евангелизму как социально-религиозному типу, оппозирующему секуляризму и византизму. Об отношении баптистского богословия к православной традиции писал В. Петренко,⁶ а также К. Прохоров, С. Санников, М. Сосси.

Всплеск дискуссии вызвала тема социальной позиции и социального служения. В 2003 году появилась «Социальная позиция протестантских церквей России»,⁷ ее обновленная версия вышла в 2009 году. В Украине подобной «позиции» до сих пор нет, хотя в более широком круге евангельских церквей появилась

¹ В. Павлов. *Баптисты: Церковь и государство*. – М.: Логос, 2004.

² И. Проханов. *Вероучение евангельских христиан*. – Черкассы, 2002.

³ *Евангельские христиане-баптисты*. – М.: Московское объединение церквей ЕХБ, 1997, стр. 32.

⁴ И. Подберезский. *Евангельские христиане России о себе и о мире*. – М.: Протестант, 2008; *Бог. Вера. Общество. Личность. Мнение российского баптиста*. – СПб.: Библия для всех, 2004; *Протестанты и другие. Религиозная публицистика*. – СПб.: Мирт, 2000.

⁵ В. Бачинин. *Национальная идея для России. Исторические очерки политической и культурной антропологии*. – СПб.: Алетейя, 2005; *Введение в христианскую эстетику*. – СПб.: Библия для всех, 2005; *Ассоциация христианских церквей «Союз христиан»: вклад в развитие российского гражданского общества*. – СПб., 2006.

⁶ В. Петренко. *Богословие икон. Протестантская точка зрения*. – СПб.: Библия для всех, 2000.

⁷ *Социальная позиция протестантских церквей России*. – М., 2009.

«Социальная доктрина евангельских христиан Украины».⁸ Принятые декларации лишь сегодня начинают активно обсуждаться и вызывают полярные оценки. Так, представитель РС ЕХБ А. Синичкин называет социальное служение «дорогой в никуда»,⁹ а пастор из Кишинева В. Убейволк – «Божьим призывом к церкви».¹⁰ Консервативные церкви противопоставляют евангелие социальному служению (см. «Евангелие или социальная доктрина?»¹¹), в то время как миссионерские церкви эти служения увязывают воедино.¹²

Наиболее злободневными темами становятся не вопросы истории, а стержневые проблемы, нерешенные и нерешаемые до сих пор. Может быть, поэтому новейшему периоду истории ЕХБ и его проблематике отводится так мало места в официальных изданиях. Так, Ю. Решетников в соавторстве с С. Санниковым подготовил обзорные материалы по истории ЕХБ в Украине,¹³ акцент в изучении которых был сделан на начальных этапах формирования евангельского движения и первой половине XX столетия. О судьбах церквей после распада СССР сказано очень мало.

Столь же мало о новейшем периоде говорится и в «Истории евангельских христиан-баптистов России» – официальном издании Российского союза ЕХБ,¹⁴ где по сравнению с известным изданием «История евангельских христиан-баптистов СССР»¹⁵ 1989 года концептуально нового нет ничего.

Стоит заметить, что при относительной малочисленности союза и его интеллектуальных ресурсов именно в РС ЕХБ усилиями А. Синичкина и М. Иванова удалось наладить работу

---

⁸ *Соціальна доктрина евангельських християн України*. – Дніпропетровськ, 2009.

⁹ См. интервью Алексея Синичкина «Социальное служение. Дорога в никуда?» на сайте «Омский баптист», <http://baptistomsk.ru>.

¹⁰ В. Убейволк, С. Михайлов. Ответ церкви на Божий призыв к социальному служению // *Пульс служения. Богословский журнал*, №17 (2011), стр. 23-41.

¹¹ «Евангелие или социальная доктрина?». *Информационно-аналитический материал*. – МСЦ ЕХБ, 2009.

¹² *Христианский взгляд*, №1 (2011).

¹³ Ю. Решетников, С. Санников. *Обзор истории евангельско-баптистского братства на Украине*. – Одесса: Богомыслие, 2000.

¹⁴ *История евангельских христиан-баптистов России*. – М., 2007.

¹⁵ *История евангельских христиан-баптистов СССР*. – М., 1989.

отдела богословия и катехизации, а также выпуск литературы, проясняющей вопросы баптистской специфичности для самих церквей и окружающего общества.¹

В Украине изданы намного более скромные брошюры о вероисповедании и церковной практике – «Евангельские христиане-баптисты Украины»² и «Исповедание веры ЕХБ Украины».³ В то же время в Украине С. Санниковым был издан «Фундамент. Курс начального богословия»,⁴ который восполняет недостаток официальных изданий. В тексте нашлось место для освещения и исторических, и богословских, и социальных вопросов.

По инициативе РС ЕХБ в Москве прошли важные юбилейно-исторические конференции «140 лет российскому баптизму»⁵ и «105 лет легализации русского баптизма»,⁶ богатые материалы которых изданы и доступны (отметим доклады И. Дика, А. Вардина, К. Прохорова, М. Каретниковой, Г. Лихих, Л. Картавенко, В. Попова, М. Иванова, М. Неволлина, П. Павлюка, П. Кирилловых, М. Рейбер, В. Заватски, Г. Сергиенко). На подобных конференциях представлен и взгляд западных миссионеров, исследователей и теологов, работающих с церквями ЕХБ в бывшем СССР (регулярно выступают и публикуются И. Дик, М. Рейбер, М. Элиот, К. Воннер, а также «классики» – В. Заватски и А. Вардин).

Многие преподаватели-теологи защитили достойные диссертации, из которых выделим новаторское исследование А. Попова «Евангельские христиане-баптисты как интерпретационное сообщество: исследование идентичности Всесоюзного Совета Евангельских Христиан-Баптистов (ВСЕХБ) через способы использования Библии в его публикациях».

¹ *Российский союз ЕХБ. Вероучительные, духовные и организационные вопросы.* – М., 2010; *Духовность евангельских христиан-баптистов.* – М., 2010; *Веруем. Катехизис для церквей ЕХБ.* – М., 2010.

² *Евангельські християни-баптисти України. Напередодні ювілею 2000-ліття Різдва Христового.* – К., 1999.

³ *Визнання віри евангельських християн-баптистів та практика християнського життя і служіння.* – Луцьк: РТ МКФ «Християнське життя», 2010.

⁴ С. Санников, сост. и ред. *Фундамент. Курс начального богословия.* – Одесса, 2006.

⁵ 140 лет российскому баптизму. Прошлое, настоящее, перспективы. *Материалы научно-богословской конференции РС ЕХБ.* – М., 2008.

⁶ 105 лет легализации русского баптизма. *Материалы международной научно-практической конференции.* – М., 2011.

В Украине масштабная работа по истории протестантизма была проделана В. Любашенко. Помимо общей схемы, она специально изучила предшественников баптистов в Украине, представила личность патриарха-«протестанта» Кирилла Лукариса и очертила наиболее острые вопросы формирующегося национального богословия. В наиболее полемичной своей статье «Протестантизм в Украине: создание стереотипов продолжается» исследователю удалось показать отличия отечественного рабоче-крестьянского протестантизма от протестантизма западного – бюргерского и княжеского.

В нулевых годах нового столетия традиционные образы отечественного протестантизма – фундаменталистский (в плане богословском) и рабоче-крестьянский (в плане социальном) встретили яростную критику. Минский теолог А. Дубровский называет фундаментализм тупиком постсоветского богословия, а постсоветский протестантизм в целом – нецивилизованным типом религиозности.⁷

Ранее бывший профессор Московской богословской семинарии ЕХБ В. Солодовников также пришел к выводу, что у интеллигенции в баптизме нет никакого будущего, а богословский консерватизм пояснил не убежденностью, а наивными заимствованиями устаревших западных идей.⁸

Тем более интересны редкие книги представителей отделенных баптистов, в которых консерватизм приобретает интеллектуальную форму и культурный фон. Изданная спустя десятилетия после написания книга известного лидера МСЦ ЕХБ Е. Пушкова⁹ задается вопросом о богоискании в миру, в творческой среде писателей и музыкантов. Как оказывается, и у нерегистрированных баптистов-маргиналов может быть своя теология культуры и свои ответы на вызовы социокультурных реалий. Так, проповедник МСЦ ЕХБ Г. Гололоб не только написал фундаментальные исследования по апологии армянинан-

---

⁷ А. Дубровский. *Религия, преодолевающая себя*. – Ирпень, 2011.

⁸ Интеллигентность: возвратят ли ее себе русские баптисты? // *Слово Веры*, № 4 (2002); «Made in America: Or the Self-Evident Truth That Russians Aren't Savages» // *East-West Church Ministry Report*, № 3 (2003).

⁹ Е. Н. Пушков. *Что есть истина?* – СПб.: Библия для всех, 2009.

ства, но изложил ее в широком историко-культурном контексте с привлечением сложных философских концепций.¹

Наиболее острые вопросы социально-богословской позиции затрагиваются в публицистике В. Шленкина, А. Суховского, М. Чернявского, в исследованиях К. Прохорова (социально-историческая типология ЕХБ), А. Негрова (социально-герменевтические вопросы).

Примечательна полемика между ректорами (С. Санникова, бывшего ректора Одесской богословской семинарии, с А. Прокочуком, ректором Киевской богословской семинарии) и пасторами (Г. Сергиенко с В. Рягузовым) о содержании национального богословия и его авторитетах, роли братства и образования, соотношения Писания и традиции.

Заслуживают внимания материалы двух богословских форумов «Богословие в евангелизме»² и «Богословие в богослужении»,³ где представлены интересные тезисы Т. Дятлика, Я. Назаркевича, Ф. Стрижачука, Д. Кондюка, А. Еропкина, С. Санникова, А. Гейченко, И. Кобяковского, Э. Петрова, В. Прощака, И. Русина. Затронуты темы единства и многообразия в служении и богословии, богословия миссии, контекстуализации, соотношения национального и религиозного, связи миссии и социального служения, исламизации «христианских территорий», служения в постмодернистской культуре, богословской грамотности в церкви.

К 400-летию юбилею баптизма вышли материалы одноименных конференций,⁴ где можно найти интересные статьи Е. Панич, Ю. Решетникова, М. Иванова, Ф. Райчинца.

О процессах в современном протестантизме активно пишут Роман Лункин, Ольга Спир, Р. Соловий. Последний говорит не только о событиях сегодняшних, но рисует картины будущего,

---

¹ Г. Гололоб. *Устоять в истине*. – Одесса: Христианское просвещение, 2009; *Свобода между рабством и произволом*. – СПб.: Библия для всех, 2008.

² *Богословие в евангелизме*. Доклады богословского форума. – Запорожье, 2007.

³ Материалы Второго богословского форума «Богословие в богослужении». – Ровно, 2008.

⁴ *400-летие баптизма и принцип свободы совести: исторический, богословский и социокультурный контекст*. Сборник докладов. – Одесса: 2010. – 172 с.

анализирует теологию постмодерна, привлекает актуальные западные концепции.

Острой полемической направленностью отличается резонансная монография А. Пузынина, посвященная традиции евангельских христиан,⁵ которая с отечественным баптизмом переплетена, но полностью не совпадает. Ряд оценок отличаются субъективизмом, общая схема – тенденциозностью. Сильной стороной работы можно считать соединение в одном тексте полезных идей и авторов самых разных эпох и традиций, что позволяет говорить о «евангельской» специфичности в широком богословском и культурном контексте.

Новая манера самоосмысления представлена в статьях М. Дубровского.⁶ Миссия евангельского движения объясняется им через понятие «инаковости», когда нет ни полного отторжения, ни полного тождества с исторической и религиозной ситуацией. При таком подходе всегда – в любую эпоху и в любой культуре – можно обнаружить евангельскую нить истории, которая может стать преобразующей силой.

Хорошим примером анализа исторического пути, пройденного за годы религиозной свободы, может служить проект «Эффективность богословского образования в Украине»,⁷ в котором можно найти немало ценных выводов не только о ситуации в христианских учебных заведениях, но также о церквях и обществе, с которыми школы неразрывно связаны, о взаимозависимости этих факторов и о наиболее общих закономерностях их эволюции.

Опыт коллективной рефлексии

Помимо разрозненных усилий и отдельных публикаций предпринимались попытки объединения интеллектуальных

---

⁵ А. Пузынин. *Традиция евангельских христиан: изучение самоидентификации и богословия от момента зарождения до наших дней.* – М.: ББИ, 2010.

⁶ М. Дубровский. Инаковость вместо маргинальности // *Хорошие новости*, №05 (2011), стр. 2; М. Дубровский. Оправдание будущего как богословско-социальная задача Церкви // *Реформация vs Революция. Материалы Первой философско-религиозной конференции, посвященной Дню Реформации.* – М., 2011.

⁷ *Эффективность богословского образования в Украине.* Исследовательский проект. – Одесса, 2007.

и творческих сил для совместного обсуждения евангельской специфичности. В 2000–2003 гг. действовало Богословское общество Евразии, участники которого организовали несколько конференций и издали сборники материалов.¹ Консолидирующую роль выполняет и ЕААА, собирающая преподавателей евангельских школ на ежегодные общие встречи, а также издающая журнал «Богословские размышления».

В последнее время на смену большим и слишком общим институтам приходят сети и сообщества единомышленников, более мобильные и более сплоченные. Совсем неожиданно, не под чьей-то «большой крышей», возникают богословские группы, форумы, проекты. Так, в Украине возникло движение «За здоровую церковь» (акцентировавшее внимание на многих кризисных аспектах деятельности традиционных церквей), а в России – евангельские соборы. Первый Евангельский собор состоялся в мае 2010 года, Второй проходил с 5 по 9 июня 2011 г. Более ста пасторов, теологов, миссионеров, христианских интеллектуалов собрались в столь узком круге для обстоятельного и открытого разговора о будущем евангельского движения в России. Подбор участников удивлял пестротой, но при этом и *неслучайностью*. Собор был в полной мере репрезентативным – он отражал состояние дел в евангельских церквях, но также открытость к переменам и живой поиск своего призвания в большой истории страны и мира. Примечательно, что идея Евангельского Собора родилась не наверху, не в руководстве церквей, а в кругу молодых священнослужителей-интеллектуалов. На стыке церкви, науки, образования, миссии, на неуловимой, но почти всегда реальной границе между клиром и миром сформировалось сообщество, понимающее важность и даже неотложность реформ в церкви и обществе в целом.

Через подобные инициативные группы, стихийно формирующиеся сообщества «реформаторов», евангельские церкви предлагают свою повестку дня. Церкви в лице их молодых служителей и околоцерковной христианской интеллигенции заявляют о готовности играть активную роль в масштабных и глубинных трансформациях окружающего мира.

---

¹ *Богословие и богословское образование в современном обществе.* – Одесса: Богословское общество Евразии, 2002; *Феномен евразийского протестантизма.* – Одесса: Богословское общество Евразии, 2003.

Вокруг Собора формируется тот самый коллективный субъект, который сможет представлять большую евангельскую общину. Впервые евангельские церкви, разделенные конфессиональными перегородками, социальными и культурными границами, ощутили свою субъектность, причастность к общему делу.

Представители разных евангельских церквей объединились для интеллектуальной работы над ключевыми вопросами своей специфичности. И это объединение стало возможным не по решению руководства, а изнутри церковной жизни, из горизонтальных связей между разными общинами, из обмена идеями и опытом, из созревшей низовой инициативы.

Ключевыми словами соборных дискуссий стали история, инаковость, будущее. Важное место в программе занимало осмысление истории церкви и мира, своего места в ней, своего дара и призвания. Соседствуя с другими традициями, евангельское движение призвано сохранять свою инаковость, не сливаясь, но служа своей самобытностью. Отдельная группа занималась выработкой позиции по отношению к идеям так называемого «русского мира», построенного на стыке языка, культуры, истории и религии. Для большинства идеологов «русского мира» православие и русский язык являются общими и обязательными скрепляющими факторами, но для евангельских христиан не менее очевидны другие принципы: культурный и конфессиональный плюрализм, свобода самоопределения, разнородность культурного и культового пространства. Мосты общения между народами, которые пережили трагедию советского эксперимента, народами, связанными языком и опытом совместной жизни, нужно строить таким образом, чтобы в полученном пространстве общения каждый субъект мог самореализоваться, а не забыть, а не потеряться, послужить другому, а не использовать соседа. Потому в поисках общности и в открытости к дружбе народов и культур евангельские христиане сознательно отстраняются от политики и сдвигают дискуссию о «русском мире» в сторону духовной культуры.

Как и следовало ожидать, крайнюю заинтересованность вызвала тема будущего – анализ возможных образов будущего и выбор того образа, при котором миссия евангельских церквей может реализоваться наиболее полно. Биотехнологии, виртуальная реальность, конфликт религий, противоречия глобализма, новая структура цивилизации, смена мыслительных

парадигм – в этом контексте церкви искали свое место и свою стратегию выживания и служения. Заметной особенностью соборов стало участие в их работе известных ученых-методологов, философов, культурологов – А. Неклессы, О. Генисаретского, Д. Бурлаки, С. Градиrossoго, С. Переслeгина. Использование различных методологий и ролевых игр позволило выявить очевидные проблемы многих исторических и богословские реалии, проиграть и прочувствовать моменты «выбора себя».

Второй Собор предложил программу проектов, приуроченных к юбилею Реформации, который весь мир будет отмечать в 2017 г. Почти пятьсот лет назад М. Лютер выступил с тезисами, обновившими христианство и мир, продлившими жизнь европейской цивилизации на столетия, придавшими созидательный творческий импульс культуре, экономике, политике. Очевидно, что за прошедшие столетия христианский мир, равно как и связанная с ним европейская цивилизация, постарел и растратил духовный потенциал. Христианство стоит на пороге новой реформации. В духовном обновлении нуждаются и постсоветские страны, евангельское движение которых еще только выходит на новый виток развития своей истории. Неспроста предсоборные тезисы были объединены концептом «перманентной реформации», т. е. постоянного процесса внутренних преобразований, делающих Церковь сильной и актуальной в современном мире.

Собор не привязан к исключительно российской специфике, речь идет о наиболее принципиальных и общезначимых вопросах евангельской самобытности. В отличие от первых исторических соборов, Евангельский Собор не принес готовых формул и решений, напротив, отчасти обострил наивную уверенность в конфессиональной исключительности и полноте, но и активизировал богословский поиск и диалог между разными и, в силу своих отличий, взаимодополняющими евангельскими церковными традициями.

Собор дал жизнь не только идеям, но и публикациям. В ноябре 2010 года в Москве вышли в свет тезисы Первого Евангельского Собора¹. Появление «тетради», как назвали издатели брошюру с тезисами, факт сам по себе знаменательный. После

---

¹ *К стратегии развития евангельского движения. Философско-религиозные тетради. Тетрадь №1. Материалы Первого Евангельского Собора.* – М., 2010; текст можно также скачать по адресу <http://evangelicals.ru>.

издания «Социальной позиции протестантских церквей России» это второй документ, объединяющий протестантов на основании фундаментальных библейско-христианских, а не историко-традиционных ценностей, и евангельской, а не конфессиональной специфичности.

О социальной позиции писать было легче – достаточно было перечислить основные темы социального дискурса и дать самые общие ответы на них. Сказать хоть что-то о евангельском движении в его специфике – гораздо сложнее. «Тетрадь» получилась содержательной не в тематико-проблемном, а в концептуальном плане.

Впервые о евангельском движении спрошено и сказано по существу, без излишней исторической детализации. Впервые внимание сфокусировано на идее, а не традициях и формах, за которыми идею не разглядеть. После исторических реконструкций настало время обобщений, теоретической богословской работы. Надо признать, что это концептуальное обобщение было подготовлено дискуссиями последних лет, а также работами В. Бачинина, И. Подберезского, А. Негрова, К. Прохорова, М. Каретниковой, Н. Корнилова, М. Чернявского, А. Пузынина, В. Ляху, Е. Зайцева, С. Санникова, С. Головина, М. Дубровского. Многие тезисы «тетради» (преодоление маргинальности при сохранении инаковости, надконфессиональный характер евангельского движения, единство и преемственность истории Церкви во всех ее конфессиональных традициях, необходимость выстраивания собственного теоретико-социального дискурса, децентрализация как принцип реструктурирования, священнослужение мирян от имени церкви и т. д.) в свое время озвучивал и я, хотя они и воспринимались как несвоевременные и вольнодумные.

«Тетрадь» названа философско-религиозной, что отражает специфику ее содержания и стиля. Проблематика – шире, чем богословская, но во всей широте богословски осмысленная. Обще-ственно-политический дискурс скрещивается с философским, что способствует смысловому богатству, но также злободневности, интересности текста. Некоторые слова и словосочетания используются непривычным образом. Эрудированный автор (или авторы) заимствовали языковой арсенал из самых разных методологических подходов и дисциплинарных полей, чтобы все богатство средств послужило достойной цели системного осмысления евангельской специфичности в социокультурном,

историческом и политическом пространстве современности. Правда, иногда то, что ясно философам, вызывает у богословов недоумение, как, например, термины «деятельностный подход» или «человеческий капитал». Если бы тетрадь называлась богословской, ее авторов судили бы строже.

Есть тезисы, отражающие не столько собственную повестку дня евангельских церквей, сколько извне подброшенные идеи. Например, концепт «русского мира». Авторы призывают к единству русскоязычного и русскокультурного евангельского христианства не только российские церкви, но и зарубежных братьев, а расколы, «съезживание» евангельского движения объясняют «сознательными усилиями» тех, кто единства опасается. Называются и страны, где противники единства особенно сильны – Украина, Грузия, страны Балтии.

Тезисы «тетради» отражают принципиальные сдвиги в евангельском христианстве, способе его самопонимания и стратегии присутствия в обществе. Евангельские протестанты отныне осознают себя не столько протестантами, сколько евангельскими верующими; а свои конфессиональные способы организации переподчиняют интересам евангельского движения как более широкой общности. Выход «тетради» свидетельствует о подготовке широкой дискуссии в среде протестантских церквей о сути своей богословской и социальной природы.

Вторая религиозно-философская тетрадь Собора называлась «Реформация vs Революция»¹ и рассматривала реальную альтернативу социальным и религиозным конфликтам, технократичным и политизированным «модернизациям», всеразрушительным революциям. Без реформации церкви и духовного реформирования общества постсоветский мир созревает к новой волне социальных потрясений – вывод и вызов участников межсоборных дискуссий.

Примечательно, что подобные национальные соборы-форумы возникли в созвучии с темами и событиями глобального христианства. В октябре 2010 г. в Кейптауне состоялся Третий Лозаннский конгресс, ставший эпохальным не только для движения за всемирную евангелизацию, но для евангельского христианства в целом. Первая встреча Лозаннского комитета состоялась в 1974 году и вселила большой энтузиазм в сердца участников. Второй конгресс проходил в Маниле в 1989

¹ *Реформация vs Революция*, 2011.

году на фоне начавшегося распада социалистической системы, его планы на будущее также были оптимистичными. Казалось, что история закончилась – победила не только демократия, но и христианство как ее союзник. Тогда мало думали об антихристианском потенциале секуляризированной демократической культуры и реальной опасности панисламизма.

Третья встреча уже задолго до ее начала была названа исторической, поскольку подводила определенный итог широкой и активной миссионерской деятельности второй половины двадцатого века и приоткрывала новую, сложную для понимания страницу миссии. В Кейптауне заговорили о христианстве как меньшинстве, о вызовах нового атеизма и секуляризма, о наступлении агрессивного ислама, о глубочайшем кризисе западного христианства. Героями конгресса стали представители Азии, Африки, Латинской Америки. Программа отразила глубинные смещения в структуре, географии, культуре, богословии мирового христианства. Его центр сместился с Севера на Юг (от богатых к бедным) и с Запада на Восток (от уравнивающего вестернизированного глобализма к глобализму многообразия – этнокультурной сложности, аутентичности, конфликтной разности, плодотворных неосинтезов).

Примечательно, что Евразия становится белым пятном на миссионерской карте мира. Причиной этого могут быть неутешительные результаты и отсутствие ярких лидеров, интересных для аудитории мирового масштаба. Внимание евангельского сообщества сегодня приковано к Китаю, где церковь жестоко преследуется, но при этом удивительно успешна в своей проповеди. Сотни делегатов из Китая не смогли приехать на конгресс, так как их лишили паспортов.

Конгресс собрал более четырех тысяч делегатов, из которых 1600 участников – представители образовательной и научной среды. Такой интеллектуальный потенциал был собран впервые для активных дискуссий о будущем евангельского движения и его миссии в мире. Новой тенденцией в миссии, по словам многих спикеров конгресса, становится христианство как образ жизни – не в отрыве от жизни мирской, но в ее гуще. Быть миссионером не значит ехать куда-то, но быть там, где христианин уже живет и работает. Такая интеграция христианства в естественный порядок жизни открывает новые перспективы миссии, но еще нуждается в богословском осмыслении, детальной

интеллектуальной проработке, так как пока с трудом вмещается в привычную матрицу мышления большинства евангельских христиан, особенно из бывшего СССР.

Вот лишь некоторые уроки Кейптауна, которые могут быть полезными для церквей Евразии. Христианство многообразно. Это пугает нас, привыкших к усредненному образу жизни и служения. Но это большое богатство и наша сила. Бог раздал свои дары так, что ни одна церковь не владеет всеми, а потому нуждается в помощи других и должна радоваться их успехам, но не ходить со своим уставом в чужой монастырь, не строить всех по своим внутренним стандартам. Христианство живо и привлекательно многообразием и творчеством.

Пока евангельские церкви продолжали борьбу за свои советские традиции, обсуждали служение женщин и длину юбок, ругали молодежь и современные переводы, Евразия как-то незаметно стала диким полем на фоне явных благословений в Африке, Азии, Латинской Америке. Что-то с нами не так. Раньше даже евангельские христиане говорили, что Россия чуть ли не хранительница мировой духовности, последний оплот живой веры. Теперь в это верят только православные, и то фанатично и без результатов. Мы разочарованы в себе, но по-прежнему смотрим исподлобья на других. Время преодолеть мессианские комплексы («только мы», «впереди планеты всей», «нас мало, но мы верны»), жить одной христианской мировой семьей, служить Богу вместе.

Подобные события, символические для мирового христианства, резонируют с внутренним «поиском себя» в постсоветских церквях. Этот резонанс свидетельствует, что осознать свое своеобразие можно, лишь став частью целого, воссоединившись с ним. Так региональные процессы включаются в глобальные, так создается единая структура, точнее – сеть отношений. Даже отыскав свой «особый путь», постсоветские церкви не должны, да и не смогут, изолироваться от сложного и разнообразного мирового христианства. Зато смогут своей самобытностью послужить другим, внести свой вклад, свой дар. Вслед за Чаадаевым можно сказать, что поздний выход в историю имеет свои преимущества – нераскрытый потенциал, нерастроченные возможности, полезные уроки, полученные от других. Кризис и трансформации мирового христианства – тот фон, на котором постсоветские церкви смогут избежать неоправданного оптимизма и наивности и при этом найти свой актуальный образ.